СОВРЕМЕННОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТА, ИЛИ «НЕКУДА БЕЖАТЬ»

УДК 17.022

А.С. ЧУПРОВ

С Александром Валентиновичем Павловым мы сотрудничаем давно. Однако наши философские вкусы столь различны, что мы до сих пор (спустя двадцать с лишнем лет после знакомства) можем сутками «цапаться» в Интернете по поводу той или иной философской проблемы, что не мешает нам оставаться друзьями. Поэтому мои заметки по поводу «Заметок о современности» А.В. Павлова – это лишь продолжение нашей многолетней дискуссии.

Гегель, характеризуя философию эллинизма, назвал это время эпохой всеобщей ненависти и страха (А.В. Павлов, наверное, назвал бы ее межвременьем). Главной чертой этой философии был **уход от социальной реальности** в природу (эпикуреизм), в положение беспристрастного стороннего наблюдателя (скептицизм), в мистицизм (неоплатонизм), уход в себя (стоицизм). На мой взгляд, в наше время функциональным аналогом стоицизма стал постмодернизм с его безнадежной проповедью антропоцентрирования общественного бытия, плюрализма во всех сферах человеческой жизни, реализма, свободы, креативности каждой отдельной личности, диалогичности различных мнений.

Именно постмодернизм вкупе с рудиментами экзистенциализма стали методологической основой работы А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность» [3; 4]. Основа неслучайна. Время наше и в правду нелегкое. Особенно для души трепетной, страдающей и думающей. Вспоминается лермонтовское «Выхожу один я на дорогу»: «Я б хотел свободы и покоя, я б хотел забыться и уснуть». Тут главное не «забыться и уснуть», а то, что «выхожу **один** я». Одиночество души, кьеркегоровский или, если угодно, рокуэловский Одинокий, сартровская «заброшенность в Ничто» – это эмоциональная доминанта всякого экзистенциализма. Где же выход? В современности. Именно она провозглашается А.В. Павловым тем раем, где не забытье или покой, а деятельное отношение к реальным проблемам станет утешением измученной души.

Итак, о современности. Редко встретишь работу, где бы одному и тому же понятию было бы дано столь много и столь разноплановых дефиниций. Я насчитал не менее двадцати таких определений. Воспроизведу лишь некоторые из них: «...современность – это умение жить в соответствии с меняющейся реальностью, а не с выдумками, иллюзиями, благими пожеланиями и памятью о великом прошлом, тормозящими изменения» [3, с. 5], «...современность – это самоопределение субъекта, его стремление самому себе ответить на вопрос, что же ему надо, и в первую очередь, надо ли ему продолжать быть разумным и субъективным или лучше перейти к благополучному и веселому беспроблемному существованию, когда достаточно биологических и социокультурных инстинктов и рефлексов» [3, с. 5]. «Современность – личная оценка мироустройства под углом проблемности своей жизни и поиск способа решения проблем» [3, с. 7]; «...современность – это умение жить и быть субъектом в соответствии с меняющейся реальностью, включая изменения в самую структуру своей жизни и субъективности. Это особая культура жизни: проблемный, внутренне противоречивый и динамичный разум. Это – ценности, восходящие не к воспроизводству достигнутого, а к поиску новых достижений, не к единообразию, а к многообразию личностей и формам их сосуществования» [3, с. 9]; «...современность, это нонконформизм, а несовременность – конформизм, первое – «я», осваивающее чужое и освобождающееся от него, а второе – «я», увязшее в чужом» [3, с. 10]. «Современность» в русском языке раскрывается как современность, сосуществование и взаимоотношение множества разных индивидуальных времен. Это скорее не «модерн», а «контемпоральность» [4, с. 11]. «Современность – это всегда экзистенциальная практика разумного человека,

в то время как прошлое, будущее и другое – это рациональная теория» [4, с. 13]; «...современность – это данность субъекта самому себе» [4, с. 14].

Как говорили классики, богатство явления обусловливает богатство его определений. Здесь же все с точностью до «наоборот»: богатство определений призвано обогатить явление. У А.В. Павлова понятие современности обрело экзистенциально-ценностный смысл и содержание.

Современность, пишет автор, это не одновременность. И поясняет, что одновременность – это вопрос календаря. Однако дело тут не в календарном времени, а в том, что просто одновременные события безразличны друг к другу. Почти как в теории относительности, где одновременными считаются те события, которые не связаны между собой причинно-следственными связями, даже если их разделяют миллиарды лет. Такое понимание одновременности, кстати, очень хорошо «ложится» на концепцию А.В. Павлова, в которой одним из атрибутов современности является диалогичность, когда одно «Я-субъектность» таки нашло общий язык, а следовательно, способ взаимодействия с другим (другой?) «Я-субъектностью».

Читая первую часть статьи А.В. Павлова, опубликованную в декабрьском номере журнала «Социум и власть» за 2012 год, я всё ждал, когда же автор процитирует «Исповедь» Августина Блаженного о субъективной природе времени (прошлого как памяти, настоящего как созерцания и будущего как надежды) и его противоположности вечности [1, с. 174-176]. Дождался через два месяца, когда вышел в свет первый номер журнала за 2013 год. Одно плохо, что вечности места в концепции А.В. Павлова не нашлось. Осталась одна субъективность без надежды. Поэтому «Я-субъектность», как и «Я-телесное» (почему не «Я-объектность»?), превратились в братскую могилу для исторического прошлого, в саднящую «ностальгию по настоящему» (А. Вознесенский) и пугающее обреченностью на провал будущее (так называемый утопизм). Всё это никак не вяжется с павловским определением (одним из множества других) современности, как способности субъекта встречать проблемы с открытым забралом и решать их «всем смертям назло».

Впрочем, сама постановка вопроса о современности в ее слиянности с субъективизмом мне по душе. Как и характеристика субъекта не только как биосоциокультурного феномена, но и в первую очередь как носителя Я, с которого только и может рождаться современность. Действительно, без переживания субъектом времени, в котором ему суждено жить и умереть, ни о какой современности не может быть и речи. Однако связь современности с субъективностью представляется мне много глубже, чем это представлено в статье А.В. Павлова. Я имею в виду кантовское определение времени (само слово является корневым для термина «современность») как постоянства созерцающего Я по отношению к изменчивости внешнего мира как формы мысли и способа существования человеческого Я [2, с. 56–59]. Эта характеристика приложима ко всем без исключения людям, поэтому меня смущает некий философский снобизм А.В. Павлова, который недрогнувшей рукой вычеркнул из современности всех конформистов, функционеров, людей в чем-то несвободных и т.п. В сущности, лишил их права называться людьми. Да, как писал Владимир Маяковский, «все мы немного лошади», но ведь «немного», а не целиком и полностью.

Вызывает протест и постмодернистская характеристика социума, хотя автору не откажешь в красоте слога и остроумии. Позволю себе достаточно большую цитату из статьи А.В. Павлова: «По мере роста диспропорции в общественной жизни усиливаются феномены одиночества и абсурда, частично характеризующие постмодерн, но больше всего – межцивилизационное состояние. (...) Мы не знаем суда, мы знаем судью, прокурора и адвоката, нам неизвестно право, но известен полицейский и поддерживаемые им правила общежития, мы нигде не встречаемся с государством, зато очень часто – с чиновниками и военнослужащими. Но вместе с этим, вследствие своей субъективности нормы ничего вещного собой не представляют. В реальности общественной жизни – это своеобразные галлюцинации, подобные чертикам у алкоголика. Тем не менее, эти чертики совсем не озабочены тем, что их нет. Заставляя поражаться абсурду происходящего, они все равно принудительно направляют и мысли, и поступки» [4, с. 7].

Просто удивительно, что здесь автор не употребил термин «симулякр» (у А.В. Павлова есть близкий к нему термин «фантом»), которым обозначено системообразующее понятие в философии постмодернистов Делёза и Бодрийяра, столь любимых автором. Можно сказать (по аналогии с названием детектива новозеландской писательницы Эдит Найо Марш «Кругом одни констебли»), что для А.В. Павлова в социальном бытии «кругом одни симулякры» (лично мне не хотелось бы жить в таком мире). Отсюда – тот экзистенциалистский бунт автора, который больше напоминает застарелую студенческую молодость с ее неизбывной тоской по Парижу, в котором студенту никогда не доводилось бывать. Вспоминается и анекдот брежневских времен о старом еврее, который регулярно просился в Израиль, а оттуда – в СССР. Когда его спросили, чем это объяснить, он ответил: «И там плохо, и здесь плохо, но эта остановочка в Париже...мнн».

Тут в самый раз сказать о довольно странной, на мой взгляд, установке автора противопоставлять такой современный Запад такой несовременной России. В подтверждение своей позиции А.В. Павлов даже цитирует никогда не бывавшего за границей А.С. Пушкина: «Россия – страна, где власть является единственным европейцем». Впрочем, автор не жалует никакую власть. Дореволюционная Россия для него всего лишь исторический миф, навязанный субъекту либо советской, либо нынешней властью, а 1917 год, как и год 1993, – всего лишь вехи нескончаемого исторического кошмара. И никакой современности.

Но, несмотря на все наши разногласия по проблеме современности, о которых я сказал выше, хотел бы подчеркнуть, что, на мой взгляд, А.В. Павлов в своей статье «Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность» представил на суд читателей глубокий, многоаспектный и филигранный анализ феномена современности.

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М.: Республика, 1992.
2. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.
3. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
4. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность (продолжение) [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5–14.